

Последнее желание

Валерия Л.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерия Л.

Последнее желание

«Автор»

2026

Л. В.

Последнее желание / В. Л. — «Автор», 2026

"... и лице Его, как солнце, сияющее в силе своей" - Откр. 1:16 Церковная империя в блеске славы на протяжении многих лет размеренно шла к своему закату — закату цвета крови, пролитой за её спасение. Поступок разбитого горем мужчины привёл его к закономерному концу. Но конец этот встретил его тем, что он отчаялся когда-либо найти. Ибо человек не может знать, когда солнце взойдёт для него в последний раз. Сможет ли человеческий глаз увидеть свет улыбки на лице Творца сквозь тучи обмана, связанного на земле теми, кто должен был нести истину миру?

Содержание

-	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Валерия Л. Последнее желание

-

Никогда не думал, что такое может случиться со мной. Хотя часть меня понимала, что это было вопросом времени.

Надеяться на благосклонность, но не знать её сути? Возжелать её, но не верить в её силу? Отвергать её? Всё это от отчаяния, а оно правдиво, и потому прекрасно. Правдивость — это всегда смирение, а смирение — единственная вещь, которая имеет смысл. Далее остаётся только принять данность как есть. Я был в отчаянии, и потому смирился. Поверил. И не отверг.

Не отверг щедрости, пусть она и была для меня лишь мучительной формальностью. Для служителей эта бессмыслица была равносильна самому служению: приговорённым давали право на последнее желание, под которым, как правило, подразумевалось проведение двух спасительных служебных таинств: исповеди и причастия. Такая практика была установлена для достижения святой и единственно верной цели — спасения человека. Писание гласит, что спасён будет не тот, кто уберёт свою душу, но кто потерял её во имя Спасителя, и потому служением было принято решение убивать тела и отпускать души неугодных.

*«Умри же в радости
И с честью душу потеряй!
Спаситель телом все грехи
Твои прощает,
Во Царствии Небесном
Потерянную душу
Принимает. »*

Этот гимн знали все служители ещё с первого курса семинарии. Но не знало писание, по которому они жили. Служение всегда определялось делами, а как не всякий человек мог войти в узкие врата, ведущие ко спасению, трудами палачей и самопровозглашенных земных судей спасались приговорённые, которых заставили потерять душу. Живой, идущий ко спасению, немошен, а потому маловерен. Мёртвый же смирен, и кроме души терять ему нечего.

Почти каждый осуждённый соглашался на отпущение грехов и соединение телом и кровью со Спасителем, потому что единственным желанием запуганного перед смертью человека было именно спасение, пусть и не тела, но хотя бы надежды на то, что в Царстве Небесном оно вовсе не понадобится. Я не знал, чего просили те, кто был не согласен с таким выбором. Известно лишь чего хотелось мне самому. А хотелось мне выпить. Смертельно хотелось. Напиться до такой степени, чтобы ни одна молитва не спасла. Чтобы предстать перед Спасителем сразу, безо всякой казни, во всей своей отвратительной красе, в состоянии смирения и алкогольного опьянения. Я лучше знал, как преподнести себя в жертву. Разве для меня мог быть палач лучше, чем я сам? Если бы я согласился принять тело и кровь Спасителя перед тем, как лично встретиться с Ним, то стал бы не лучше тех, кто взял на себя, как они это называли, бремя земного судейства. Фарисейство чистой воды. Лицемером я не слыл, и становиться им на пороге смерти совсем не хотел.

Ни единого раза я не соединялся в религиозном экстазе телом и кровью с Тем, Кто, всего единожды побывав на земле несколько тысяч лет назад, вернулся в невидимый человеческому глазу мир спокойствия и благодати, свалил груз ответственности на тех, кто не умел его нести,

и повелел служить тем, кто совершенно не умел служить. В писании сказано, что не возымеет Царства Небесного тот, кто не примет тела, отданного в жертву за людские грехи, и крови, пролитой за ту же цель. Но разве возымели бы эти дары силу, если причащающийся не совершил за свою жизнь ни одного дня служения в добрых делах и смиренной молитве? Выпитая кровь и съеденное тело не наполнили бы моё сердце светом, но сделались бы маской лицемерия на моём лице. Пусть я умру от избытка алкоголя в крови, где-нибудь в грязной подворотне, избитый какими-нибудь обиженными жизнью уродами, но умру честным. И перед Спасителем предстану таковым. Всегда считал, что служитель-лицемер хуже всякого не верующего, но честного человека. Только сам я не был неверующим, но верил я не в Спасителя, а в Творца — в моём понимании эти две ипостаси никак не могли быть чем-то единым. Спасителем я называл Его лишь формально. Несерьёзно. Хотя, может это как раз и было отчаянием. Правдивостью. Смирением.

Я ждал выполнения своего желания, сидя в беседке на территории Центрального Храма Невинной Крови в тот же вечер, когда для меня был вынесен приговор. Поскольку таинства всегда проводились утром, последнее желание каждого согласившегося на них выполняли на следующий день после суда. Но это был не мой случай.

Иронично, что именно в этом храме и проводили казни. В более широких кругах его называли «Кривавой Мэри» — такое прозвище сильно контрастировало с внешним видом самого храма и всей его территории, по крайней мере, до того момента, пока солнце не начнёт уходить за горизонт: цвет — в основном синий разных оттенков, плавно переходящий в белый и наоборот, как единение пространства и сути веры — неба и чистоты. На закате синий цвет, будто сливаясь с самим небом, становился красным. Зрелище непередаваемо жуткое, но символичное для служителей. Закат этот я видел множество раз, но в тот момент мне думалось, что вот-вот я познаю его суть, ибо то было не просто зарево на небе, но вполне конкретный символ завершения, который встал выжженным клеймом на моей ещё не прерванной жизни. Но увидеть последний закат перед казнью мне бы не удалось — когда солнце только-только стало уходить за горизонт, окрашивая небо и храм в цвет «невинной крови», я стоял на коленях в главном судебном зале перед настоятелем, слушая свой приговор. Охранные служители не отличались своей любовью к ближним — задержания производили резко, не утруждая себя в том, чтобы доставить задержанного без ущерба его целостности. Случаи с нанесением травм разной степени тяжести были для них обычным делом, но в тот момент милость Творца, видимо, сошла на меня — и я отделался лишь лёгким испугом. Обух ножа неприятно давил на горло. Рука охранника крепкой хваткой держала меня за волосы, оттягивая назад, чтобы я не смог опустить голову перед настоятелем, пока тот оглашал приговор. Бессмысленно: нож у горла не дал бы мне этого сделать. Тугие кожаные ремни, соединённые тонкой, но крепкой цепью, натирали запястья. Второй служитель держал эту цепь таким образом, что мне пришлось поднять руки над головой. Каждый раз, когда я хоть немного опускал их от усталости, он резко дёргал цепь вверх. Всё это походило на начало крайне неподобающего для стен храма занятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.